

Стратегические рекомендации революционерам

Введение от переводчиков

Да, Унабомбер, Теодор Качински — фигура одиозная. Как анархисты, мы не согласны с львиной долей его идеологии. И всё же такие качества, как радикализм и непримиримость человека, который уже более 20 лет отбывает свои 8 пожизненных сроков за рассылку бомб тем, кого он считает виновниками техногенного кризиса, не позволяют ослабнуть интересу к нему и его мыслям. А мышлением Тед не пренебрегает.

Мы перевели важнейшую главу из книги Теодора Качински «Антитехнологическая революция: зачем и как?» Он написал её в 2013-2015 годах. Оригинальное название главы «Стратегические установки антитехнологического движения».

Мы не разделяем антитехнологическое мировоззрение автора, и, что ещё важнее, не согласны с его порою циничными и антигуманными подходами, инструментальным отношением к людям, иерархическим сантимером и многим другим. Короче, почти надо всем тем, что заставит поморщиться нашего товарища-анархиста, мы морщились также, как вы. И всё же мы считаем данный текст крайне важным и ценным. Почему? Потому что нам нужна не антитехнологическая, но анархическая революция.

Главное достоинство работы Теда — трезвый революционный оптимизм. Унабомбер тщательно изучил внушительный массив данных о революциях прошлого, проанализировал и осмыслил их и выдал блестящее исследование **механики и технологии** революции. На наш взгляд, он с успехом приблизился к ответу на вопрос: «Как сделать революцию?» А ведь именно этот вопрос является ключевым для революционных анархистов.

Поспорить у Качинского можно со многим. Характерная черта текста — частое обращение к опыту авторитарных левых. Большая часть того, что пишут Ленин, Троцкий, Сталин, Мао, Кастро и иже с ними — неприменимо к анархистской этике и задачам. Однако анархизм сегодня стоит перед необходимостью переосмыслить опыт своих побед и горьких поражений, а главное — найти путь к победоносной реализации своих революционных освободительных идей. Значит мы, анархисты, не можем упустить из виду опыт иных, даже весьма идейно далёких революционеров, проанализировать его и взять ценное для нас.

Также призовём не судить строго некоторые незначительные фактические огрехи (особенно заметные людям, знакомым с историей российской революции). И прежде, чем отбросить ту или иную его мысль, попытайтесь задуматься над ней беспристрастно и по достоинству оцените прагматизм и прямоту автора, не столь частые в революционной аналитике.

Коллектив «Боец Анархист»
bo-ak.org

* * *

Сила — это финальный арбитр; активное вмешательство имеет ключевое значение, и победа приходит к тем, у кого хватает храбрости и дисциплины довести дело до конца. Такое видение характеризует группы, которые стремятся выбраться из безвестности в историю, когда, как им кажется, все силы общества направлены против них.

- Филип Селзник

1. Не существует какого-либо точного маршрута к победе антитехнологического движения, который можно было бы проложить заранее. Движение должно ждать, пока не появятся определенные возможности, которые, в свою очередь, позволят развалить технологическую систему. Точную природу этих возможностей, а также время их появления в общем и целом предсказать невозможно, потому что движение должно будет подготовить себя к успешному использованию любой и всякой возможности, причем в максимально короткий срок после ее появления.

В первую очередь, движение должно озаботиться обретением своих собственных источников силы. Оно должно создать сильную, сплоченную организацию, состоящую из лиц, полностью приверженных делу искоренения технологической системы. Количественные показатели играют второстепенную роль. Организация с высококвалифицированным составом, пусть и немногочисленная, будет гораздо эффективней, чем большая организация, в которой большинство членов — посредственности. Организации придется научиться разбираться в динамике общественных процессов, чтобы быть способной разглядеть возможности, когда они появятся, и знать, как эти возможности использовать.

Во-вторых, движение должно нарастить свое влияние на социальную обстановку вокруг. Оно должно завоевать уважение своими идеями, своей энергией и эффективностью. Если движение начнет бояться и ненавидеть — тем лучше, но, в первую очередь, важно заработать репутацию самого чистого и наиболее бескомпромиссно-революционного из всех оппозиционных движений. Именно благодаря этому оно станет тем движением, к которому люди обратятся во время острого кризиса, когда все впадут в отчаянье и утратят всякое уважение и веру в существующую модель общества.

В-третьих, для того, чтобы подготовить почву для этой потери доверия и уважения, движению необходимо сделать все, чтобы подорвать веру людей в технологическую систему. Возможно, это будет самой легкой из задач движения, так как большая часть работы будет делаться без какого-либо участия со стороны самого движения. Так, например, неудачи самой системы помогут подорвать веру в нее. Также, то, что будут говорить и писать разочаровавшиеся представители интеллигенции, особенно те, кто обеспокоен экологическими вопросами, послужат (и уже сейчас служат) инструментом разрушения веры людей в сложившийся общественный порядок. Очень немногие из этих интеллектуалов являются потенциальными революционерами, поэтому антитехнологическое движение не должно поддерживать их напрямую. Но движение может способствовать ослаблению доверия населения к существующему общественному порядку посредством привлечения внимания к тому, что сбои и провалы системы носят всепроникающий и необратимый характер. А также за счет создания впечатления о системе как слабой и уязвимой при любой удобной возможности.

В этой главе мы попытаемся заполнить некоторые пробелы картины, которая в общих чертах была представлена выше.

2. Революции почти никогда не бывают успешно спланированы заранее. Это лишь одно из проявлений принципа, по которому конкретные исторические события носят, в целом, непредсказуемый характер. Ирвинг Хоровиц справедливо заметил, что революции протекают либо вовсе без заранее принятой программы действий, либо даже напрямую нарушая такую программу, а Герберт Мэттьюз отмечал, что «из всех революционных лидеров

современности, только Гитлер четко сформулировал свою программу и придерживался ее». Революционеры должны действовать методом проб и ошибок, цепляясь за возможности (как правило, непредвиденные) по мере их возникновения. Как писал Ленин: «Нам зачастую приходится искать дорогу наощупь... Кто мог бы совершить гигантскую революцию, зная наперед, как довести ее до конца?» В январе 1917 Ленин не мог поверить, что революция в России может быть возможна при его жизни. Он смог привести большевиков к власти в России только благодаря тому, что ему хватило проницательности распознать и использовать ту неожиданную возможность, которая выпала благодаря февральскому восстанию 1917 года.

3. Благоприятный шанс, однако, может появиться еще нескоро; революционному движению, возможно, придется залечь в ожидании. Это не означает, что движение может позволить себе расслабиться и бездельничать. Наоборот, находясь в ожидании, движение должно продолжать усердно трудиться. Не только для того, чтобы набрать силу и быть способным в полной мере воспользоваться возможностями, когда они появятся. Но и потому, что движение, не проявляющее активности, умирает или сокращается до ничтожных размеров. Если коллектив не занят полезной работой, большинство со временем теряет интерес и отдаляется от движения.

Еще одна причина, по которой движение должно оставаться активным, заключается в том, что революционерам недостаточно просто пассивно ждать подходящий момент; этот момент должен быть частично создан и самими революционерами. Какой-то серьезный сбой в существующей общественной системе может возникнуть и независимо от деятельности революционеров, но сможет ли этот сбой стать достаточно серьезной причиной, чтобы обрушить всю систему, может зависеть от уже проделанной революционной работы. В России, например, общая внутренняя слабость царского режима не была результатом деятельности революционеров. Но революционная возможность появилась вследствие поражения сил режима в Первой Мировой войне, и революционная деятельность вероятно могла этому поспособствовать. Поскольку «Ни в одном государстве, участвовавшем в военных действиях, политические конфликты не подпитывались деньгами так активно, как в России, в целях недопущения мобилизации тыла». Позднее, спонтанное и неожиданное восстание петербургских рабочих предоставило большевикам их главный шанс. Но это восстание, вероятно, могло бы остаться не более, чем неорганизованным и неэффективным выплеском недовольства, если бы большевики не смогли ранее внушить рабочим идеи Маркса, снабдив их теорией и идеалом, которые сделали их протест целенаправленным, организованным и эффективным.

4. Из секции 2 следует, что революционное движение должно быть готово успешно реагировать на непредвиденные обстоятельства. Если программа действий охватывает значительный промежуток времени, это не значит, что движение не может изменить или даже отбросить эту программу при возникновении непредвиденных обстоятельств. Другими словами, движение должно проявлять *гибкость*.

Изучавшие военную стратегию и тактику уже давно признали важность *гибкости*. Ленин требовал «тактической гибкости» в революционной работе, а Троцкий считал, что сила большевиков заключается в том, что они «всегда сочетали революционную непримиримость с огромной гибкостью».

Мао Цзэдун писал: *В процессе... изменения общества, идеи, теории, планы и программы редко претворяются в жизнь безо всяких изменений. ...*

Идеи, теории, планы и программы обычно изменяются частично, а порой и полностью, ввиду возникновения непредвиденных обстоятельств в ходе их практического применения. Иными словами, случается так, что первоначальные идеи, теории, планы и программы не соответствуют реальности целиком или частично, и являются полностью или частично неверными. Во многих случаях придется многократно исправлять всё новые и новые (или те же самые) ошибки, прежде чем планы действий станут безупречными... и долгожданные результаты могут быть достигнуты на практике. ...

...Настоящие революционные лидеры должны не только быть способны при обнаружении ошибок корректировать свои идеи, теории, планы и программы, ... но... они должны убедиться, что предлагаемые новые революционные задачи и новые рабочие программы соответствуют изменившимся обстоятельствам.

Вот так, например, можно описать важность гибкости.

5. Как отмечалось выше, главной высшей целью революционного движения сейчас должен стать полный крах мировой технологической системы. Один из корреспондентов автора предположил, что из-за серьезной физической угрозы жизни и здоровью, а также всех невзгод, которым в процессе разрушения технологической системы подвергнутся все, движение, которое рассматривает это разрушение, как свою цель, будет встречать сопротивление подавляющего большинства жителей планеты, и поэтому такое движение не сможет достичь ничего.

Несомненно, если сегодня провести референдум «Стоит ли разрушить систему?», девяносто процентов (это в лучшем случае) жителей индустриальных стран ответят «нет». Даже в кризисной ситуации, когда люди теряют всякое доверие к системе, вполне вероятно, что большинство (хотя и значительно меньшая доля, чем прежде) также проголосуют против полного разрушения. Однако предположение о том, что это может послужить серьезным препятствием для революции, базируется на так называемом «демократическом заблуждении»: представлении о том, что доля населения, поддерживающая ту или иную сторону, определяет исход социальной борьбы, как определяет исход демократических выборов. На самом же деле исход социальной борьбы определяется главным образом не количеством, а динамикой общественных движений.

6. Само собой разумеется, что настоящие революционеры — глубоко приверженные делу кадры, которые составляют ядро движения — будут готовы принять любые невзгоды и лишения, а также риск или даже неминуемость смерти в интересах своего дела. Достаточно вспомнить ранних христианских мучеников, Аль Каиду, Талибан и исламских смертников, или террористов Русской Революции. После того, как социал-революционер Каляев кинул бомбу и убил Великого Князя Сергея Александровича в 1905 году, жена князя навестила его в тюрьме и сказала ему: «Покайтесь... а я умолю Государя даровать вам жизнь. Я буду просить его за вас...» Каляев ответил: «Нет! Я не раскаиваюсь. Я должен умереть за свое дело, и я умру... Моя смерть будет полезнее для моего дела, чем даже смерть Сергея Александровича».

Позднее, в 1918, когда Фанни Каплан дважды выстрелила в Ленина, она несомненно осознавала, что заплатит за это своей жизнью. Аналогичным образом, когда Шарлотта Корде убила Жан-Поля Марата во время Французской Революции, она наверняка знала, что ее ждет гильотина. Ирландские националисты, поднявшие восстание в апреле 1916, не сомневались, что идут на риск. Некоторые из них намеренно стремились к мученичеству. Многие из тех,

что был впоследствии казнен, «в своих последних словах выразили... уверенность в том, что их смерти являются своего рода победой».

7. Но не только незначительное меньшинство убежденных революционеров готово пойти на мучения и смертельный риск во имя того, что они считают критически важной целью. Множество обычных людей становятся героями и проявляют поразительную смелость, когда их обществу наносится серьезный ущерб или когда под угрозой их самые важные ценности, или когда они вдохновляются какой-либо идеей, которая кажется им высокой и благородной.

Говорят, что «если у человека есть «зачем» жить, он может выдержать любое «как» (Ницше). Это утверждение подтверждено на практике, не только примерами из русской, французской и других революций, но и во многих других ситуациях. Во Второй Мировой, например, никакие жестокости немецких захватчиков не заставили русских потерять волю к сопротивлению, даже перед лицом смерти. Если на то пошло, моральный дух немецкого гражданского населения также не был сломлен после чудовищных бомбардировок союзников, когда многие города были превращены в руины, и когда порой в одной операции гибли десятки тысяч человек. Летные экипажи союзников, которые осуществляли бомбардировки и другие миссии на воздушном поле битвы над Европой, в свою очередь, несли страшные потери. Так, например из американских пилотов, совершавших операции над оккупированной немцами Польшей во время Второй Мировой, гибли примерно трое из пяти. И тем не менее, те, кто выживал, продолжали летать. Тем временем, на земле пехотинцы подвергались не меньшим опасностям и гораздо большим физическим нагрузкам и лишениям, но они также продолжали сражаться.

Большинство гражданских, упомянутых в предыдущем параграфе, подвергались этим опасностям и страданиям недобровольно. Их проявление отваги заключалось всего лишь в том, что они продолжали выполнять свою работу в чудовищных условиях, вызванных обстоятельствами, от них не зависящими. Некоторые из военных, безусловно, были добровольцами, но, вероятно, многие из тех, кто шел на войну по своей воле, не могли в полной мере оценить, что их ожидает. Несомненно, именно так обстояло дело с Оди Мерфи, одним из самых титулованных американских солдат Второй Мировой — когда он записывался добровольцем, его видение войны было крайне наивным. Тем не менее, есть большое количество примеров людей — не маленькая кучка фанатичных революционеров, а великое множество более-менее обычных граждан — которые в критической ситуации добровольно пошли на риск, с полным, по их мнению, пониманием того, чем именно они рискуют, чтобы послужить высокой цели, или чтобы исполнить свой долг, как они это представляли.

В 1922 году, когда Война за независимость Ирландии длилась уже достаточно долго, чтобы понять всю отчаянность и кровавость ее характера, все еще не было недостатка в новобранцах, «новых, стремящихся вперед, молодых бойцах, жаждущих последовать примеру старшего поколения». Также, по-видимому, недостатка в новобранцах не ощущалось ни во французском, ни в польском движении сопротивления во время Второй Мировой. Эти люди шли уже на риск не только смерти, как ирландцы, но и на риск быть подвергнутыми мучительным пыткам. Личный представитель Шарля де Голля во Французском Сопротивлении, Жан Мулен, был схвачен и пытан до смерти гестаповцами, тем не менее, он так и не сломался, так и не выдал своих секретов. «В 1941 году Свободная Франция послала капитана Скамарони на Корсику для подготовки действий на острове. ... К сожалению, наш отважный делегат попал в руки итальянцев. ... Подвергнутый ужасным пыткам, Скамарони погиб, чтобы сохранить свою тайну».

Даже когда нет личной заинтересованности, люди порой идут на риск смерти или того хуже. Так, тысячи поляков из числа неевреев приложили усилия по спасению евреев от нацистов. Помогая евреям, поляки рисковали жизнями, и не только своими, но и жизнями своих близких. Полячка Ирена Сендлер, которой приписывается спасение 2500 еврейских детей, «была схвачена нацистами в 1943, подверглась пыткам, но отказалась раскрыть имена своих сообщников. Во время одного из сеансов пыток, тюремщики сломали ей ноги и ступни...» Она спаслась только благодаря своим товарищам из Сопротивления, которые подкупили гестаповского офицера, чтобы тот помог ей сбежать.

Стоит также заметить, что независимо от того, обычные ли это люди или идейные революционеры, добровольно ли они идут на риск или нет, многие из тех, кто проходит через суровые испытания и опасности во имя того, что они считают достойной целью, испытывают глубокое удовлетворение от своих «героических» действий. Вероятно, даже получают от них удовольствие. Бывший заключенный немецкого лагеря для военнопленных писал о своих неудачных и затем, в конце концов, удачных попытках сбежать:

Я чувствую, что я с лихвой отпил из чаши пьянящего возбуждения...

На ум не приходит ни один из видов спорта, который мог бы сравниться с побегом, когда свобода, жизнь и любимые люди являются победным трофеем, а смерть — вполне вероятной, но отнюдь не неминуемой ценой в случае поражения.

Когда Вторая Мировая близилась к концу:

В отличие от коммунистических лидеров, которые стремились к вполне конкретной цели, бойцы Сопротивления были в общей массе дезориентированы. Когда враг отступал, велик был соблазн воскликнуть, подобно Фаусту Гете, «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» ... На них нахлынула ностальгия. Находясь в огромной опасности, эти горячие и безрассудные люди прониклись мрачной прелестью подпольной борьбы, от которой им уже не отказаться.

Уже гораздо позднее, когда в Северной Ирландии воцарился мир, отказ от этой «мрачной прелести», судя по всему, произвёл решительно негативный эффект на молодежь страны. В 2009 году один из журналистов записал свою беседу с католическим священником, отцом Эйданом Троем:

После окончания Смуты количество самоубийств среди белфастской молодежи резко возросло. Как считает священник, это произошло в основном из-за того, что то чувство товарищества и совместной борьбы, которое давало участие в военизированных группах, сменилось апатией и безысходностью. «Множество молодых людей стало распивать алкоголь и принимать наркотики в очень раннем возрасте», говорит Трой.

Силия Санчес, участвовавшая в революционном партизанском движении на Кубе, в 1965 году так вспоминала об опасностях и лишениях, через которые ей пришлось пройти вместе с отрядом Фиделя Кастро в горах Сьерра-Маэстра: «Ах, это было лучшее время, не так ли? Мы все были так счастливы. По-настоящему. Мы уже никогда не будем так счастливы, ведь правда? Никогда...»

В довольно сентиментальной, в целом, статье, американский ветеран войны в Ираке признается, что его возвращение к гражданской жизни имело свои негативные стороны: «Я

скучаю по тем временам, когда я каждый день чувствовал, что у меня есть цель и смысл, выжить или умереть. Невозможно воссоздать это чувство в обычной повседневной жизни».

8. Все эти примеры приведены не для того, чтобы превознести прелести опасности, страданий или войн. Их целью было показать, что люди — даже люди современного технологического общества, которые в обычное время стремятся в основном к безопасности и комфорту, - не обязательно выберут самый легкий путь, или путь, который кажется наименее опасным в ближайшей перспективе, когда в обществе царит неразбериха, когда они в отчаянье, злы, или повергнуты в ужас тем оборотом, который принимают события, или когда кажется уже невозможным сохранять привычный уклад жизни. В таких обстоятельствах многие предпочтут путь героев, путь, который подвергнет их и их близких величайшим рискам и лишениям... если только найдутся лидеры, которые могли бы зарядить их энергией, организовать их и предоставить им цель. Это и станет задачей революционеров — стать такими лидерами, когда система станет разрушаться.

В такой момент, если революционеры хорошо делали свою работу и продолжают ее делать, они должны быть в состоянии привлечь широкую поддержку, несмотря на все риски и тяготы, которые подразумевает революционный проект. Это не означает, что революционеры успешно заручатся поддержкой большинства населения. Гораздо вероятнее, что они смогут организовать и повести вперед лишь незначительное меньшинство. Но «не всегда физическое большинство имеет решающее значение; скорее, превосходство моральных сил может изменить политический баланс». (Симон Боливар). В случае достаточно серьезного сбоя существующего общественного порядка, значительное большинство населения потеряет к нему всякое уважение и уверенность в нем, а следовательно, не будет делать активных попыток защитить его. С. Алинский очень четко обозначил этот момент, когда написал, что «время для революции настало», когда

массы людей достигли того момента, когда иллюзия старого уклада и старых ценностей стала рушиться на глазах. Они не знают, что в итоге сработает, но они знают, что существующая система безнадежна и обречена на провал. Они не будут предпринимать активные действия, чтобы что-то изменить, но они не будут и сильно против, если кто-то возьмется сделать это.

В подобных обстоятельствах множество людей потеряет всякую надежду, они станут апатичными и пассивными, тогда как остальные будут в основной массе озабочены лишь спасением собственной шкуры и шкур своих близких. Вполне ожидаемо, что существующая система власти будет дезорганизована и дезориентирована, ее будут раздирать внутренние конфликты. Поэтому она не сможет хорошо организовать и руководить тем малым процентом людей, которые все еще готовы защищать систему. Следовательно, если революционеры смогут действовать эффективно в плане воодушевления и организации людей, если они смогут повести за собой свое собственное меньшинство, то у них в руках окажется решающая доля сил.

9. Сбой в существующем общественном порядке не всегда может оказаться необходимым, для того, чтобы у революционеров появился шанс. Сложно сказать, был ли какой-то серьезный сбой в общественной системе Ирландии перед началом революции 1916-1922 годов; безусловно, британские власти, против которых поднялась революция, отнюдь не были дезорганизованы или слабы. Тем не менее, революция началась. Как правило, однако, шанс для революции зависит от какого-либо сбоя и несостоятельности в существующем общественном порядке.

Реформация стала возможной только благодаря коррумпированности католической церкви, которая заставила многих людей потерять к ней всякое уважение. Революции начала 19 столетия, которые принесли независимость испанским колониям в Америке, вероятно, не свершились бы, если бы ослабление испанской монархии не было наглядно продемонстрировано ее поражением от Наполеона. Китайская революция 1911 года стала в основном результатом того, что Китай раз за разом терпел унижение от сил Запада и Японии, и династия Манчу не могла ничего с этим сделать. Для русских революционеров такой возможностью стало позорное военное поражение царского режима в Первой Мировой. В Германии нацисты являлись всего лишь небольшой партией вплоть до начала Великой Депрессии — Гитлер смог захватить власть только благодаря ослаблению немецкого правительства, когда оно уже не могло бороться с экономическим кризисом.

В каждом из представленных выше примеров, несомненно, присутствовал элемент, в широком смысле, потери уважения к существующему режиму, а в двух последних случаях можно с уверенностью отметить также недовольство и озлобленность, пронизывавшее массы. Отчаянье со стороны некоторых людей; со стороны других — безнадежность. В современном мире необходимым условием для революции скорее всего станет ситуация наподобие этих последних, когда злоба, отчаянье и чувство безнадежности широко распространятся в массах. Революционерам необходимо суметь воспользоваться такой ситуацией.

Чтобы проиллюстрировать это гипотетическим примером, давайте предположим, что в предстоящие десятилетия замена работников-людей постоянно прогрессирующими технологиями приведет к серьезной хронической безработице во всей технологически развитой части мира. Это вовсе не обязательно приведет к кризису, достаточно серьезному для того, чтобы создать угрозу существующей системе, люди скорее отреагируют на хроническую безработицу апатией, пассивностью и чувством отчаянья. Будет также и общая озлобленность, которая может привести к беспорядкам, наподобие тех, что случились недавно в Испании и Греции, но эти плохо организованные, не особо осмысленные выплески недовольства (а на самом деле, проявления отчаянья) практически ни к чему не привели.

Сравните эти не возымевшие эффекта беспорядки с «Арабской весной» - революцией в Египте (2011), в которой посредством разумного руководства людской гнев был использован и превращен в орудие, заставившее властные структуры пойти на гигантские уступки. Возможно, Египетская революция в итоге и не удалась, но это сейчас для нас не так уж важно. Суть здесь заключается в том, что талантливое революционное руководство может задействовать недовольство и гнев людей, обращая их в полезное средство для достижения цели.

Антитехнологические революционеры, естественно, не могут довольствоваться лишь уступками властей; они должны разрушить систему полностью. И если, как мы предположили, в технологически продвинутой части мира царит серьезная затяжная безработица, большинство из тех, у кого все еще есть работа, будут бояться эту работу потерять, поэтому даже несмотря на полную потерю уважения к системе, они будут обеспокоены лишь тем, как сохранить свое место. Безработные же будут чувствовать либо безнадежность и апатию, либо гнев, либо и то и другое. В случае широко распространившихся волнений, властные структуры окажутся в крайне стрессовом положении, но такие волнения не будут по-настоящему серьезной угрозой для существования этих структур. Хорошо подготовленные революционеры, однако, должны

быть способны организовывать и руководить так, чтобы обратить человеческий гнев и отчаяние в полезное орудие, чтобы это вылилось не только лишь в волнения, но и в осмысленные целенаправленные действия. Обдумывая этот вопрос сейчас, мы можем только лишь предположить, какова будет природа этих целенаправленных действий, но если рассматривать умозрительный пример, революционеры могут заставить власть пойти на уступки, как это сделали египтяне, с той разницей, что уступки будут настолько гигантскими, что глубоко унижат власть. Можно ожидать, что это сломит дух представителей власти, и приведет к острым конфликтам и расколам внутри системы, повергая ее в хаос. Как только этот этап наступит, перспективы ниспровержения системы станут самыми радужными.

Но не будем забывать, что вышеизложенный сценарий описывает всего лишь гипотетический путь осуществления революции, который мы предложили исключительно для наглядной иллюстрации. В реальности же революция может пойти абсолютно другим путем.

10. Важно осознавать, что успешное революционное движение может начинаться как маленькая, всеми презираемая группа чудаков, которых никто, кроме них самих, не принимает всерьез. Движение может оставаться малозначительным и не имеющим силы в течение многих лет, прежде чем ему представится шанс, и оно достигнет успеха. «Убеждения, имеющие революционный потенциал, могут существовать долгое время, прежде чем возросшее напряжение задействует эти убеждения как определяющие факторы ценностно-ориентированного движения. Революционные организации могут находиться в ожидании благоприятного момента, который они потом используют с выгодой для себя» (Смельсер).

В 1847 году Карл Маркс и Фридрих Энгельс были лишь парой эксцентриков, которые подготовили Коммунистический Манифест для непонятной группы под названием Коммунистическая Лига, в которой было лишь несколько сотен членов, и которая вскоре была распущена. В Ирландии, националистические идеи несколько десятков лет теплились лишь за счет ничтожного меньшинства экстремистов, которые не имели особой поддержки среди остального населения, пока апрельское восстание 1916 года не запустило революционный процесс.

Фидель Кастро сказал: «Я начал революцию с 82 людьми. Если бы я был должен делать это снова, то делал бы это с 10 или 15 людьми и абсолютной верой». На самом деле, Кастро начал свою революцию всего с дюжиной человек, так как через три дня после его прибытия на Кубу с теми 82, их атаковали войска диктатора Батисты; почти все (революционеры) были перебиты или захвачены в плен, и осталось не больше 12 или 15 человек, которые и продолжили борьбу в Сьерра-Маэстра. Даже на самом пике количество партизан не превышало 800 человек. Армия Батисты насчитывала 30000. И тем не менее Кастро победил.

Эта победа, конечно, не была исключительно военной, также как и достигнута она была не только силами партизан Кастро. Его победа была по большей части политической, и стала возможной только благодаря кубинскому народу, которому режим Батисты не внушал ни уважения, ни уверенности. Диктатор был некомпетентен в политическом плане, и не мог внушить лояльность и преданность даже солдатам своей собственной армии, которые однозначно не проявляли желания подавлять восставших. И на деле Батиста был свергнут коалицией сил, среди которых группа герильерос Кастро не была единственным важным компонентом. Что позволило Кастро взять верх над остальными и взять власть на Кубе, так это его политический, пропагандистский и организаторский талант. Хотя его военная

деятельность и сыграла очень важную роль, в основном, это случилось благодаря политическому и психологическому эффекту.

Однако здесь особо хотелось бы отметить, что когда Кастро, ведя свою группу из дюжины человек, взглянул на Сьерра-Маэстра и сказал : «Теперь Батиста будет побежден!», большинство людей могли бы посчитать его сумасшедшим. Тем не менее, Батиста действительно был побежден, и Кастро получил контроль над Кубой.

В России в начале XX века революционеры представляли собой незначительное меньшинство и слыли чужаками. Социал-демократическая рабочая партия, частью которой были большевики, включала в себя всего несколько сотен человек. Согласно Ленину:

До 22 января... 1905 года, революционная партия состояла из небольшой кучки людей, и реформисты тех дней... насмешливо называли нас «сектой». ... Всего за несколько месяцев, однако, картина полностью поменялась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» превратились в тысячи; тысячи стали лидерами пролетарского движения, насчитывавшего от двух до трех миллионов человек...

Революция 1905 года провалилась, но она помогла подготовить почву для успешной революции 1917 года. Но вплоть до последних лет, однако, большевики оставались слабыми. В самом начале Первой Мировой войны, в 1914 году, трое из семи членов Петербургского комитета были полицейскими шпионами, а вскоре после этого централизованная организация большевиков и вовсе была практически уничтожена арестами их делегатов в Думе. Накануне самого первого эпизода революции 1917 года лидеры большевиков были рассеяны кто-где в эмиграции, и на них никто (кроме, пожалуй, полиции) не обращал никакого внимания. Но меньше года спустя они взяли власть в огромной Российской Империи — примерно одной шестой всей суши планеты Земля.

Большевики подготовились задолго до начала революции. Они выстроили сплоченный штат профессиональных революционеров, которые отличались дисциплиной, целеустремленностью, сильной мотивированностью, хорошо организованным руководством и относительным единством. Большевики были эффективными организаторами, и, из-за того, что они лучше других понимали динамику социальных движений, они разработали такую политику, которая оказалась успешной. Их основные конкуренты, гораздо большая по численности партия социалистов-революционеров подобными качествами особо не отличались. «В то время как агитация меньшевиков и социал-революционеров была разрозненной, противоречащей самой себе и, чаще всего, уклончивой, агитация большевиков носила концентрированный и хорошо продуманный характер». Троцкий описывает, как в одном из районов троих или четверых большевиков было достаточно для того, чтобы взять верх над эсерами, коих было значительно больше, но которые были сравнительно сдержанными, даже робкими. «Отсутствие связи между техническими ресурсами большевиков и их относительным политическим весом нашло свое отражение в небольшом количестве членов партии, если сравнивать это с колоссальным ростом ее влияния».

Тем временем, «буржуазно-демократические» реформисты (Керенский и др.) даже не участвовали в гонке, ввиду того, что у них не было единства и согласованной цели, а также, судя по всему, ввиду того, что у них не было понимания того, что являлось и что не являлось возможным во время бурных потрясений, которые поглотили Россию в 1917 году. Что же касается защитников царского режима, все то время, пока они еще оставались в России, все они находились в полном хаосе и были психологически повержены. Как следствие,

большевики смогли сокрушить всех своих противников и стать доминирующей политической силой в России.

Все это не обязательно означает, что у большевиков была поддержка — тем более *активная* поддержка — большинства населения. Поддержка со стороны крестьянства была в лучшем случае зыбкой, и проявлялась только когда большевики (временно) давали крестьянам то, чего они (крестьяне) хотели. Но как только большевики взяли власть в октябре 1917 года, единственные силы, которые оказали им *организованное* и *эффективное* сопротивление, находились вне пределов России, в лице многочисленных эмигрантов, которые были против революции. Они собрали контрреволюционные армии, и, при поддержке ряда заграничных сил, вошли в Россию, намереваясь вытеснить большевиков. В течение последовавшей за этим Гражданской войны 1918-1920 годов: «Доля дезертиров в Красной Армии была необычайно высока: Троцкий установил подлинное господство террора для того, чтобы не допускать побегов, в том числе, приняв такую меру, как расположение в тылу войск пулеметных подразделений, проинструктированных стрелять в случае попыток бежать». Но очевидно, что большевики не могли продолжать контролировать недовольное большинство без преданной поддержки как минимум значительного меньшинства; эти пулеметчики не стали бы стрелять в своих товарищей-солдат по приказу Троцкого, если бы они не были искренне привержены цели большевиков. Большевики, помимо этого, сумели свое меньшинство хорошо организовать и дисциплинировать; благодаря этому, им удалось взять верх над интервентами, которые не были столь хорошо организованы.

Важно отметить, что судьбоносные события Русской Революции развернулись в Санкт-Петербурге. Так случилось со спонтанным бунтом февраля 1917, а также во время захвата власти большевиками в октябре. Таким образом, большевикам удалось сконцентрировать свои усилия в одном городе; как только они завоевали Петербург, с остальной страной было не так уж сложно. Это свидетельствует о том, что победа в единственной наиболее критической точке может послужить базой к захвату власти во всем обществе — еще одно подтверждение того, что небольшое по количеству революционное движение может победить.

11. Подводя итог, можно сказать, что предполагаемый сценарий революции против технологической системы будет примерно такой:

А. Небольшое движение, сплоченный коллектив приверженных делу, убежденных революционеров, нарастит внутреннюю силу благодаря развитию собственной организации и дисциплины. Это движение должно иметь отделения в нескольких важнейших странах или группах стран мира; скажем, США, Китае, Западной Европе, а также в одной или более из следующих: России, Латинской Америке и Индии. В каждой стране движение будет подготавливать почву для революции посредством распространения идей — идей, которые будут выбраны за их обоснованность и целесообразность, а не за их популярность. Движение из всех сил будет демонстрировать самую бескомпромиссную революционную целостность и будет стремиться показать себя самой эффективной из всех групп, которые выступают против существующей системы.

Б. Значительное меньшинство основного населения осознает, что в революционных идеях есть определенный смысл. Но это меньшинство будет отвергать революционное решение вопроса, пусть даже всего лишь вследствие нежелания менять привычный образ жизни, трусости или апатичности.

В. В конце концов, наступит кризис или такой сбой в системе, который позволит революционерам организовать этот кризис, во время которого будет уже невозможно продолжать жить по-прежнему, и во время которого способность системы удовлетворять физические и психологические нужды людей будет ограничена настолько, что большинство населения потеряет все уважение к системе и всю уверенность в существующем общественном порядке, и при этом многие отчаются и озлобятся. Их отчаянье и гнев вскоре обернется чувством безнадежности и апатии — если только революционеры не смогут вовремя вмешаться, вдохновить их, дать им цель, организовать их и перенаправить их страх, отчаянье или злобу в практическое русло. Из-за того, что люди отчаются и озлобятся, и из-за того, что они будут напитаны энергией от революционеров, риск для самих себя, как бы велик он ни был, не остановит их в стремлении разрушить систему.

Г. Несмотря на это, революционное движение, вероятно, сможет заручиться поддержкой лишь довольно незначительного меньшинства населения. Но среди существенного большинства будет преобладать чувство безнадежности и апатии, либо они будут озабочены только лишь спасением собственной шкуры, поэтому не будут предпринимать действий по защите системы.

Д. Существующие власти в это время будут дезориентированы, напуганы и обескуражены, и, следовательно, не смогут организовать эффективную оборону. Таким образом, власть окажется в руках революционеров.

Е. К тому моменту, как революционеры окажутся у власти в одной стране — например, в США — глобализация продвинется еще дальше, чем сейчас, и страны будут еще более взаимозависимы, чем сейчас. Поэтому, когда революционеры положат конец технологической системе в США, всей мировой экономике будет нанесен серьезный ущерб, и последующий острый кризис предоставит необходимый шанс революционерам всех стран.

Ж. Крайне важно осознать, что *когда подойдет момент решительных действий* (как в пункте В), *революционерам нужно будет распознать его, и устремиться вперед без малейших колебаний, сомнений, нерешительности или угрызений совести, для того, чтобы достичь своей высшей цели.* Колебания или нерешительность приведут к неразберихе, запутают и собьют с толку его участников (к этому моменту мы еще вернемся).

Шаблон, который мы только что набросали, носит весьма широкий и общий характер, и может включать в себя большое разнообразие путей к революционному успеху. Несмотря на это, учитывая непредсказуемость исторических событий, невозможно знать наверняка, уложится ли в описанный нами шаблон тот вариант революции, который произойдет в реальности. Но сама модель вполне правдоподобна и служит ответом всем тем, кто считает, что система слишком велика и крепка для того, чтобы ее свергнуть. Более того, подготовительная работа, которую мы вкратце затронули ранее, в пункте А, вполне подходит практически для всех сценариев революции, которые может выбрать движение.

12. Вернемся к пункту Ж выше, в котором говорится, что революционеры не должны колебаться или проявлять нерешительность, когда настанет момент решительных действий. Лидеры движения должны быть достаточно проницательны, чтобы распознать наступление такого момента. Троцкий утверждает, что в революционной ситуации существует определенный промежуток времени, ограничивающийся парой недель или максимум парой месяцев, в течение которого общество готово к восстанию. Любые попытки осуществить это

восстание должны предприниматься именно в течение этого интервала времени, или же шанс будет упущен. Так говорит Троцкий, и мы можем посчитать, что это утверждение истинно, в качестве общего правила (хотя, конечно, все такие правила имеют исключения). Троцкий говорил только о восстаниях, но должно быть очевидно, что подобное правило распространяется и на многие другие виды революционных действий. Надеяться на их успешность можно только лишь имея благоприятные для этого условия, а учитывая, что когда общество находится в кризисе, обстоятельства могут меняться стремительно, важно принимать меры в нужный момент: слишком рано или слишком поздно начатые действия могут привести к провалу.

Тут нас в основном интересует подходящий момент для начала широкомасштабной организации окончательного рывка, который приведет к свержению существующего общественного порядка (как в пункте В выше). Рывка, в процессе которого может совершиться один или несколько мятежей, а могут и не совершиться вовсе, но практически наверняка данный рывок не ограничится лишь одним восстанием. Распознать тот самый решающий интервал времени будет непросто. «Ленин... очень боялся чрезмерной осторожности, ... позволить ускользнуть одной из тех исторических возможностей, подготовка к которым занимает десятилетия». С другой стороны, если революционеры начнут действовать слишком рано, они рискуют потерпеть катастрофическое поражение. Только прилежное изучение истории и теории революции, вкупе с внимательным и вдумчивым наблюдением за текущими событиями, могут развить способность правильно оценивать время для решительных действий.

Но давайте предположим, что революционеры правильно распознали тот момент, когда пора начинать широкомасштабную подготовку финального рывка. По достижении этого этапа необходимо принять во внимание определенные руководящие принципы.

Алинский утверждает, что организаторы массовых движений должны «взаимодействовать (с массами) путём конкретных решений и четких ответов на возникающие вопросы, с определенностью и уверенностью. В противном случае можно навредить организации и всей деятельности, так как то, что организатор видит как неопределенность, может быть воспринято (людьми, которых он пытается организовать) как ужасающий хаос». Троцкий также предостерегает от «нерешительности»: «Революционная партия не имеет права на нерешительность — как не имеет права на нерешительность хирург, вонзивший нож в тело больного». Здесь Троцкий говорит о финальной стадии революционного процесса, когда существующий общественный порядок переживает кризис, а революционеры уже напрямую нацелены на его низвержение. На этом этапе необходимо сохранять *динамику*: Алинский особо отмечает, что массовое движение должно постоянно находиться в действии, избегать поражений и держать своих противников в беспрестанном напряжении. Троцкий говорит, что революционный процесс может продолжаться только «до тех пор, пока движение не будет остановлено объективным препятствием. Когда это происходит, начинается реакция: разочарование различных слоев революционных классов, рост апатии и безразличия и с тем усиление позиции контрреволюционных сил».

Однако, правило сохранения *динамики* не является безусловным: революционеры не должны, только лишь ради сохранения темпа, совершать серьезные действия преждевременно. В июле 1917 года большевики намеренно остановили восстание в Петербурге, поскольку посчитали, что время для него еще не пришло. Это временно замедлило темп революции и привело к серьезному шагу назад для большевиков, но тем самым удалось избежать абсолютно катастрофического провала, который бы последовал в случае, если бы восстание состоялось.

Ничто из этого не противоречит утверждению о том, что революционеры должны действовать решительно и без колебаний: большевики решительным образом остановили восстание, которое не было их инициативой, и которое, по их мнению, начиналось не вовремя.

Алинский особо подчеркивает, что нельзя допускать моральной неопределенности. Организаторы массовых движений должны четко делить все на черное и белое: их собственное дело должно представлять чем-то высоким, благородным и безоговорочно хорошим, когда как их противники представлять собой зло во плоти и ничто иное. Любые действия движения должны автоматически считаться полностью оправданными, так как малейшие колебания по вопросам морали и гуманности, будут так же фатальны, как и колебания по любым другим вопросам. Тот факт, что нерешительность в вопросах морали и гуманности может стать роковой в любых жизненно-важных ситуациях, понимали некоторые из наиболее почитаемых государственных деятелей и военнослужащих — те, кто вел вперед демократии Запада, когда те отчаянно боролись за свое существование. Например Линкольн и Грант во время Гражданской войны в США или Черчилль и Рузвельт во время Второй мировой войны.

Аналогичным образом, откладывать действия на потом или действовать робко, чтобы никого не обидеть, также может быть фатальной ошибкой. Например: большевики и меньшевики являлись двумя революционными партиями, появившимися в результате раскола РСДРП. Сразу после Февральского восстания 1917 года, Троцкий сказал, что «официальная программа социал-демократов была все еще... общей для большевиков и меньшевиков, (и) практические задачи демократической революции на бумаге выглядели одинаково для обеих партий». Но пока большевики оперативно принимали радикальные меры, меньшевики тянули время, пытаясь не разозлить буржуазию и либералов. В целом, согласно Троцкому, поведение «любителей компромиссов» (лидеров меньшевиков и эсеров) было «уклончивым». «Сторонники компромиссов» отбалтывались от деятельности, которая могла принести трудности, большевики же шли навстречу этим трудностям». Тактика «любителей компромиссов» была бы впору при нормальных обстоятельствах, при исправно функционирующей парламентской демократии, но в революционной ситуации эта же самая тактика была обречена на провал. Поэтому неудивительно, что победили большевики.

Соображения, изложенные в последних четырех параграфах, призваны предоставить общие руководящие принципы, которые профессиональные революционеры могли бы принять во внимание, когда система окажется в кризисе, и когда придет время заручиться поддержкой и вести массы вперед; непостоянные массы не терпят неуверенность и колебание, моральную неопределенность, поражения и периоды бездеятельности. На ранних этапах жизни движения, пока оно добросовестно и терпеливо готовится к революции, убеждённые революционеры, преданные делу кадры, должны быть способны выдерживать — до определенного предела — эту неопределенность, которая неизбежно возникнет, а также длительные периоды без явной активности, также как и тактические поражения, с которыми они могут встретиться. Но как только революция подойдет к завершающему этапу — общему кризису, во время которого революционеры уже рвутся напрямую к низвержению системы — преданные кадры должны стремиться к искоренению, *даже в своих рядах*, любой неуверенности, неопределенности, колебаний, сомнений и угрызений совести. Во-первых, такие внутренние колебания неминуемо передадутся следующим за революционерами массам. Во-вторых, в решающий момент будет особенно важна способность революционного ядра действовать оперативно, решительно и как единое целое, а колебания и разногласия в собственных рядах приведут к невозможности подобных действий. Если нерешительность и

разногласия длятся достаточно долго, даже самые приверженные делу революционеры могут пасть духом.

На практике, конечно, даже во время последнего рывка к свержению системы среди революционных лидеров могут возникнуть колебания и разногласия. Революционерам важно суметь урегулировать такие конфликты быстро и окончательно, чтобы продемонстрировать массам свое единство и солидарность, а также обеспечить четкое, решительное и последовательное руководство. «Высокий закал большевистской партии сказывался не в отсутствии разногласий, шатаний и даже потрясений, а в том, что она в труднейшей обстановке своевременно справлялась с внутренними кризисами и обеспечивала себе возможность решающего вмешательства в события» (Троцкий. История русской революции).

Как и всегда, читателю следует помнить, что в реальном мире события невозможно предсказать заранее. Предыдущие параграфы описывают нам лишь основные принципы, а не какие-либо четкие правила, которые можно было бы применять автоматически. Возможно эти принципы придется несколько модифицировать, чтобы адаптировать их к конкретным ситуациям, которые возникнут в процессе реализации революционной политики.

13. Одна из возможных причин нерешительности со стороны революционеров требует особого рассмотрения. Некоторое время назад автор получил письмо от человека, который спрашивал, должны ли революционеры стремиться к низвержению технологической системы, учитывая, что сопутствующий этому хаос может привести к росту угрозы ядерной войны. Такая угроза не должна останавливать революционеров.

Во-первых, увеличение количества ядерного оружия среди нестабильных или безответственных стран (например, Пакистан, Северная Корея, Иран, возможно, Мьянма) продолжается и вряд ли будет окончательно прекращено. Соответственно, риск ядерной войны только возрастает, пока технологическая система существует, и чем скорее система рухнет, тем сильнее снизится этот риск в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, несмотря на то, что многие полагают, что результатом масштабной ядерной войны станет полное уничтожение человеческой расы и большинства видов млекопитающих, это предположение, возможно, ошибочно. Вне всякого сомнения, последствия подобной войны будут ужасны, но те, кто всерьез занимается изучением этого вопроса, не считают, что большинство видов млекопитающих будут стерты с лица земли, и что человеческая раса будет полностью истреблена.

В-третьих, если ничто не встанет на пути технологической системы к ее логическому завершению, есть все основания полагать, что в конечном результате наша планета окажется непригодной для обитания сложных форм жизни, известных нам сегодня. Поэтому если бы нам пришлось выбирать между масштабной ядерной войной и дальнейшим существованием системы, нам пришлось бы выбрать ядерную войну, как наименьшее из зол.

В-четвертых, если мы позволим защитникам системы сдерживать нас угрозой ядерной войны или любыми другими пагубными последствиями, то мы можем просто махнуть на все рукой. Революционное движение не сможет быть успешным, если на пути к реализации целей позволит ограничивать себя различными оговорками и опасениями, так как все это может привести лишь к фатальной нерешительности в критический момент. Революционеры должны принять уничтожение системы как свою цель, *несмотря ни на что*. Вы должны

принять решение: стоит ли ниспровержение системы всех тех рисков и ужасающих бедствий, которые могут последовать? Если на этот вопрос у вас не хватает духу ответить «да», то вам лучше прекратить ныть по поводу пороков и трудностей современного мира и просто приспособиться к нему по мере своих возможностей, потому что ничто, кроме полного искоренения системы не сдвинет нас с того курса, на котором мы сейчас находимся.

14. В секциях 12 и 13 мы предложили некоторые руководящие принципы для революционных действий, которые необходимо предпринять в момент острого кризиса системы. Осталось обсудить вопрос длительного подготовительного периода, в течение которого движение должно наращивать свой потенциал для финального рывка к революции.

В революционной ситуации — как мы уже отметили в секции 1 — победа определяется главным образом не количеством, а динамикой общественных движений. В секции 10 мы видим примеры малочисленных движений, инициировавших успешные революции. Небольшое, но хорошо организованное, цельное и глубоко приверженное цели движение будет иметь куда большие шансы на успех, чем многочисленное движение, не отвечающее подобным характеристикам. Другими словами, качество важнее количества. Следовательно, пока организация наращивает силу для будущей революции, оно должно строго подчинить задачу увеличения количества участников такому аспекту, как рекрутирование высококвалифицированных кандидатов, верных своему делу. Их приверженность цели должна быть исключительной; ничто другое не должно составлять конкуренцию их преданности ей. Ввиду того, что в революционной организации должны состоять, по возможности, только люди такого типа, избирательность при подборе кадров имеет ключевое значение.

15. Если целью революционеров является полное уничтожение технологического общества, то они должны отбросить его ценности и мораль и заменить их новыми ценностями и новой моралью, которые будут служить задачам революции.

«Большевизм создал тип подлинного революционера, который историческим целям, непримиримым с современным обществом, подчиняет условия своего личного существования, свои идеи и нравственные оценки... большевистская партия создала свою не только политическую, но и моральную среду, независимую от буржуазного общественного мнения и непримиримо ему противостоящую. Только это и позволило большевикам победить шатания в собственных рядах и проявить на деле ту мужественную решимость, без которой октябрьская победа была бы невозможна» (Троцкий. История русской революции).

К числу подходящих новобранцев революционного движения можно отнести только тех, кто готов отринуть старые ценности и мораль и заменить их революционными ценностями и моралью. Революционное послание должно быть адресовано не обществу в целом, а небольшому меньшинству, - тем, кто способен стать преданными членами революционной организации.

16. Отсюда следует, что революционеры никогда не должны отступать от своих крайних взглядов ради популярности или для того, чтобы не оскорбить моральные и прочие чувства широкой общественности. Если революционная организация смягчит своё послание или подаст его в уклончивой манере, чтобы не задеть людей, она обескуражит своих собственных

членов и утратит их уважение, ослабит их преданность организации. Так революционная организация потеряет уважение лучших из числа своих потенциальных новых соратников и привлечёт множество тех, кто не способен на полную преданность делу. В конце концов, она утратит уважение общества. Революционная организация должна стремиться не к тому, чтобы её любили, а к тому, чтобы её уважали. Она не должна избегать того, что её будут ненавидеть и бояться. Мао считал ненависть по отношению к революционной организации признаком того, что она была работает эффективно. Именно к такой организации обратятся люди во времена кризиса, когда они утрачивают всякую веру в существующий порядок, а также чувствуют отчаяние и гнев.

17. В момент наступления кризиса системы, революционеры не станут по мановению волшебной палочки успешными агитаторами, пропагандистами, организаторами и лидерами. Им нужно будет начать развивать соответствующие навыки задолго до того, как кризис начнётся. Чтобы получить необходимый опыт, революционеры должны будут участвовать в политической работе, которая является периферией по отношению к главной проблеме — технологии. Например, антитехнологическая организация может присоединиться к другим группам в вопросе борьбы с той или иной особо важной проблемой окружающей среды. В ходе этой борьбы революционерам необходимо будет сделать очевидным, что конкретная проблема природоохраны — лишь верхушка айсберга, а долгосрочная цель должна состоять в уничтожении всей технологической системы.

Во всех подобных ситуациях борьбы революционная организация должна стремиться доказать, что именно она является наиболее убеждённой и эффективной в сравнении с прочими группами. Это нужно для того, чтобы в момент наступления кризиса массы охотнее поддержали организацию, ранее уже доказавшую своё превосходство. «В ходе борьбы... широкие массы должны убедиться на собственном опыте, что мы сражаемся лучше других, оцениваем ситуацию лучше других, что мы отважнее и решительнее» (Селзник цитирует один из документов коммунистов).

Ещё один способ для революционеров обрести практический опыт — издание газеты или журнала, посвящённых антитехнологической работе.

В статье «С чего начать?» Ленин писал: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор... При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение её — заставляет создать сеть агентов..., находящихся в живых сношениях друг с другом...»

В наши дни газета или журнал, вероятнее всего, будут не только печататься на бумаге, но и публиковаться в Интернете или же выходить только в Интернете.

18. Для того, чтобы быть эффективной, революционная организация должна быть способна на единство действия. Как писал Фидель Кастро, «Не приходится ждать ничего полезного от организации, состоящей из анархически настроенных лиц, которые при первом несогласии

ищут собственный путь, ломая и разрушая механизм». Мы видим, что Кастро считал дисциплину крайне важной.

Сталин подчёркивал необходимость «единства воли» и «полного и безусловного единства действия всех членов партии».

Он хорошо сформулировал своё видение: «[Единство] не значит, конечно, что тем самым исключается возможность борьбы мнений внутри партии. Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает критику и борьбу мнений внутри партии. Это, тем более, не значит, что дисциплина должна быть “слепой”. Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает сознательность и добровольность подчинения, ибо только сознательная дисциплина может быть действительно железной дисциплиной. Но после того, как борьба мнений кончена, критика исчерпана и решение принято, единство воли и единство действия всех членов партии является тем необходимым условием, без которого немислимы ни единая партия, ни железная дисциплина в партии» (Сталин. Об основах ленинизма).

Излишне говорить о том, что Сталина больше всего интересовало сохранение личной власти, в связи с чем он никогда не допускал реального воплощения в жизнь демократического аспекта своей теории. Но это не должно помешать нам понять, что сама теория: решения принимаются в ходе свободной дискуссии и критики в рамках организации, после чего ото всех её членов ожидается следование принятому решению вне зависимости, согласны ли лично они с ним или нет, - это прекрасный принцип, заслуживающий того, чтобы ему следовать.

Нельсон Мандела согласился бы с теорией Сталина (хотя, конечно, не с его практикой!), так как он «страстно верил в демократию» внутри Африканского национального конгресса, но одновременно настаивал на партийной дисциплине. Когда решение в организации принято, все члены должны исполнять его: «Подчиняя свою личную волю движению, он убеждённо ждал от остальных того же самого».

Впрочем, надо допустить, что на практике эта теория оказывается не такой демократичной, как на бумаге. Во-первых, многие решения необходимо принимать быстро. В такой ситуации нет времени на дискуссию со всем рядовым составом организации. Организации придётся иметь в какой-либо форме исполнительный орган, уполномоченный принимать решения, требующие быстроты. Рядовому составу придётся подчиняться этим решениям.

Во-вторых, даже если времени достаточно, организация не может быть эффективной, если многие решения принимаются просто через подсчёт голосов, поданных за тот или иной вариант. Как бы болезненно это ни было для наших демократических чувств, горькая правда состоит в том, что некоторые люди будут иметь значительно больше знаний и опыта, касающихся функционирования организации, чем остальные. Необходимо выслушать каждого члена организации, но основная ответственность за принятие решений будет лежать на сравнительно небольшой группе лидеров. В эту группу войдут те члены организации, которые лучше владеют информацией и обладают более высоким уровнем политических и организационных навыков. Таким образом, эффективная революционная организация неминуемо потребует известный элемент иерархии и дисциплины.

Так называемые «демократические» страны современного мира в реальности управляются политическими партиями. Даже в самых демократичных из этих партий решения принимаются преимущественно ограниченным внутренним кругом лидеров, которые

уделяют мнению рядовых членов партии ровно столько внимания, сколько им самим кажется рациональным. Максимальное приближение к подлинной демократии возможно только в очень небольших сообществах наподобие кочевых групп африканских пигмеев. В любом современном массовом обществе политическая организация, стремящаяся поддерживать подлинно демократическое устройство внутренней структуры, обречёт себя на беспомощность.

19. Понимание важности единства может привести к ошибочному выводу, что революционная организация должна избегать расколов при возникновении разногласий по поводу принципов, вопросам стратегии или тактики. Конечно, фракция не должна откалываться из-за незначительных причин, при наличии явной возможности разрешения разногласий с помощью дискуссий, или в ситуации, когда необходимо выставить единый фронт против оппонентов. Но организация не может быть действительно единой, когда внутри неё сохраняются постоянные, непримиримые разногласия по важнейшим вопросам. И если разногласия продолжают развиваться среди членов революционной организации, и не заметно признаков разрешения разногласий в разумные сроки, то лучшим решением является отделение несогласного меньшинства от родительской группы. Так и родительская группа, и меньшинство обеспечат себе единство независимо друг от друга. Если меньшинство заблуждается, оно, по всей вероятности, так и останется слабым, в то время как родительская группа поведёт за собой революцию. С другой стороны, если правота меньшинства подтвердится практикой, оно сможет рассчитывать на лидирующее положение при наступлении критического момента и оставит родительскую организацию далеко позади.

Ленин писал: «Мы не должны бояться быть меньшинством», и он никогда не колебался, действуя соответствующим образом, если был уверен в своей правоте. Троцкий ясно дает понять, что Ленин всегда настаивал на том, чтобы следовать своей линии, независимо от того, что думали остальные большевики. Ленин предпочел быть членом меньшинства, которое было *право*, вместо того, чтобы идти на компромисс ради получения более широкой поддержки. Таким образом, Ленин и большевики, составляя меньшинство внутри социал-демократической партии, отделились от своих противников, меньшевиков (фактически в 1903 г., формально в 1912 г.), и пошли своим собственным путем. Поскольку их путь оказался правильным, они в конечном итоге взяли верх над меньшевиками.

Сходным образом, в начале Первой мировой войны в 1914 г. Ленин разделял и поддерживал антивоенную позицию и даже выступал за «превращение империалистической войны в войну гражданскую», несмотря на то, что его поддерживали только «ближайшие товарищи», составлявшие «меньшинство внутри группы антивоенных социалистов, которые, в свою очередь, образовывали ничтожное меньшинство в международном социалистическом движении». В конечном итоге Ленин со своим меньшинством оказались победителями, поскольку их суждения о политической ситуации были более верными, чем у других социалистов.

Когда Ленин провозгласил свои «апрельские тезисы» весной 1917 г., они были встречены враждебно другими лидерами большевиков, которые считали, что он был «временно дезориентирован». Однако Ленин продолжал настаивать, и уже через несколько недель добился признания своей правоты всей партией. То же самое произошло в октябре 1917 г., когда, сначала против оппозиции большинства лидеров партии, но в конечном итоге успешно, Ленин выступил за вооружённое восстание, которое дало большевикам политический контроль над Россией.

Ленин победил в этих конфликтах только потому, что его политические суждения оказывались верными, в противоположность противникам. Если бы его противники выступали за более эффективную политику, они бы в конце концов победили, а Ленин остался бы в неизвестности.

Он, несомненно, был политическим гением, поэтому и мог позволить себе быть столь самонадеянным в политических суждениях. Те из нас, кто не столь одарены, должны быть более осторожными, рискуя расколом революционного движения. Тем не менее, если становится ясно, что разногласия между фракциями глубоки и непримиримы, для движения будет лучше разделиться.

20. Революционное движение должно быть уверенным в себе. Алинский, рассказывая о тех методах, которые он использовал на протяжении своей долгой и успешной карьеры общественного и политического активиста, подчеркнул, что организатор сообщества должен быть уверен в себе и вселять уверенность в людей, которых он организует. Пока людям не достаёт уверенности в том, что они способны своими силами осуществить крупные изменения, они остаются пассивными и апатичными, но когда они проникнутся ощущением собственной силы, то смогут стать энергичными, активными и эффективными. Троцкий отмечал значение того факта, что большевики "верили в свою правду и в свою победу". Международное коммунистическое движение - наследник партии большевиков - придавало большое значение "вере в победу нашего дела".

Когда Фидель Кастро сказал, что революцию могут начать десять или пятнадцать человек (см. выше, секцию 10), он добавил важное условие: эти люди должны иметь «абсолютную веру», очевидно, имея в виду абсолютную веру в возможность своей победы. Понятие «абсолютная вера» следует принимать с оговорками. Если учесть провозглашение марксизмом своей «научности» и огромный престиж науки, становится неудивительным, что многие марксисты XIX и начала XX вв. абсолютно верили в возможность победы пролетарской революции. Но в настоящее время люди хорошо информированы, более искушены и скептичны. Если вы попытаете сказать им, что ваше движение абсолютно точно достигнет победы, то сможете привлечь только тех, кто совершенно иррационален или чрезвычайно наивен.

Кастро, однако, говоря об «абсолютной вере», возможно имел в виду не буквально веру в несомненность победы, а некое психологическое состояние: бодрую уверенность в себе и субъективное чувство силы, которые побуждают людей напрягаться до предела, оправляться от повторяющихся поражений и упорствовать перед лицом трудностей, которые менее воодушевлённые индивиды сочли бы непреодолимыми. Это психологическое состояние не требует абсолютной уверенности в успехе, но требует, по меньшей мере, веры в то, что большие шансы на успех возможны только в том случае, если работать достаточно усердно и достаточно долго и являть полную меру энергии, отваги, силы воли, умения и решительности.

Подобная вера может быть рационально обоснована. Уверенность в себе приводит к самодостаточности, в том смысле, что уверенность в успехе ведёт к *реальному* успеху. Главный, если не *главнейший* фактор успеха революционного движения — вера в себя. Вера приводит к сильному чувству долга; она вдохновляет на героические усилия и стойкость перед лицом подавляющих трудностей. Обладая такой верой и чувством ответственности,

движение может достичь результатов, казавшихся невозможными. Ранее, в секции 10, мы рассматривали примеры крошечных групп тех, кто смотрелся "чужаками", но, тем не менее, начинал победные революции в условиях, казалось бы, не предоставлявших никаких шансов на успех. Можно привести множество примеров (и мы приведём некоторые из них ниже) групп, которые в конечном итоге добились победы только потому, что обладали верой в себя, позволявшей им быть стойкими перед лицом поражения, и даже в тех случаях, когда их положение казалось безнадежным.

И наоборот, когда люди не уверены, что им хватит сил для достижения их целей, они на самом деле не добьются ничего труднодостижимого. Ведь никто не станет прилагать всех возможных усилий, если он мало надеется на вознаграждение этих усилий сколько-нибудь впечатляющим результатом. По той же причине серьёзной ошибкой является постановка перед революционным движением умеренных целей на основании того, что эти цели "реалистичны". Только поистине великая цель всемирного масштаба может вдохновить людей переносить тяготы, рисковать, идти на жертвы и прилагать максимальные усилия, необходимые для успеха любого настоящего революционного движения в наше время.

Отсюда следует, что цель, которую ставит перед собой революционное движение, должна быть не меньше, чем полный коллапс технологической системы. Более того, движение должно последовательно настаивать на том, что его шансы на достижение этой цели станут значительнее, если его члены продемонстрируют достаточный уровень ответственности, энергии, отваги, силы воли, умения и настойчивости.

21. Важное уточнение: правило, что революционное движение должно быть уверенным в себе, относится к его уверенности в способности достичь конечной цели - осуществления революции. Следует тщательно оберегать себя от чрезмерной самоуверенности в осуществлении конкретных проектов и операций, поскольку она ведёт к небрежности, а небрежность приводит к неудаче. По этой причине Ленин обычно преувеличивал потенциальные риски, связанные с любыми действиями, и разрабатывал свои планы с большой тщательностью. Как говорит Троцкий, «нужно быть осторожным, чтобы завоевать право быть смелым».

Осторожность требует избегать недооценки противника. Недооценка противника приводит к самоуверенности, а затем к беззаботности и поражению. Вообще, безопаснее переоценивать своего противника. Такова была политика Ленина. Мао подчёркивал, что, хотя и необходимо быть уверенным в своей способности победить врага в долгосрочной перспективе, никогда не следует ослаблять свои усилия из-за самоуверенности во время самого процесса борьбы:

«Товарищ Мао Цзэдун часто повторял: стратегически, в общем плане, революционеры должны презирать врага, не бояться вступить в борьбу с ним и пользоваться плодами победы; в то же время, тактически, в частности, в каждом конкретном случае борьбы, они должны относиться к врагу серьезно, быть осторожными, тщательно изучать и совершенствовать искусство борьбы...»

В свете сказанного, следует понимать, что правило о том, что революционное движение должно иметь честолюбивую цель всемирного масштаба, относится только к конечной цели движения. Промежуточные цели движения - те цели, которые являются шагами на пути к конечной цели - должны быть выбраны внимательно и осторожно. Мао советовал: «не вступай в битву, если не уверен в победе». Мао, несомненно, в первую очередь имел в виду

военную ситуацию, но идёт ли речь о ней или о любой другой ситуации, его совет оказался бы непрактичным, если его воспринять в буквальном смысле. Редко можно быть полностью уверенным в успехе любого предприятия. Тем не менее, обдумывая какой-либо план или акцию, революционеры должны осторожно взвесить те преимущества, которые они получают в случае успеха, с одной стороны, и последствия поражения - с другой. Троцкий указывал: "Каждое поражение ... меняет [соотношение сил] ... не в пользу проигравших, потому что победитель получает уверенность в себе, а проигравший теряет веру в себя".

Организационное ядро революционного движения должно обладать уверенностью в себе, ответственностью и психологической устойчивостью для того, чтобы оправляться от повторяющихся поражений и продолжать борьбу несмотря ни на что. Но даже самые преданные делу революционеры в конечном итоге являются людьми, и могут ослабеть от поражений и неудач. Поэтому идти на риск поражения следует только при наличии весьма веской причины.

22. Негативный эффект от поражения может быть смягчён, если революционеры поймут, что после сокрушительного поражения, которое, как кажется, ставит группу в безнадёжное положение, решительное возобновление борьбы со стороны остатка группы очень часто приводит к победе.

В результате неожиданного нападения в середине зимы 877-878 гг. датские викинги захватили контроль над Уэссексом, страной западных саксов. Полагая, что сопротивление бесполезно, саксы покорились захватчикам, но их король, Альфред, сумел с несколькими товарищами спастись в лесах и болотах Сомерсета; к пасхе 878 г. он обосновался в укреплении на острове в Сомерсетских болотах. Во время своего пребывания там Альфред собрал небольшую армию, и, опираясь на укрепление, его люди изматывали данов партизанскими вылазками. В середине мая Альфред призвал саксонских воинов из соседних областей Уэссекса и повёл их против данов, которых он окончательно разбил в битве при Эдингтоне. Память об Альфреде жила все Средние века - в легенде о том, как король одержал победу в совершенно безнадёжных обстоятельствах.

Ещё более впечатляющим является случай Роберта Брюса. К концу XIII в. Эдуард I Английский захватил Шотландию и превратил её в подобие английской колонии. Шотландцы были беспокойными подданными, и в 1306 г. Роберт Брюс, чьё происхождение давало ему права на престол, провозгласил себя королём Шотландии. Но в течение трёх месяцев он был побеждён силами Эдуарда I и превратился в преследуемого всеми беглеца, вынужденного иногда выживать в тяжелейших условиях. На этом этапе его дело казалось безнадёжным. У него почти не было денег и войск, и его бессильное положение выглядело "почти нелепым". Тем не менее, в следующие несколько лет Брюс вёл беспощадную партизанскую войну, постепенно увеличивая подконтрольную территорию и число сторонников, пока в 1314 г. он не одержал решительной победы над англичанами в битве при Баннокберне. После этого он фактически правил как король Шотландии, хотя признание от Англии независимости Шотландии получил только в 1328 г. Возвышение Брюса от преследуемого беглеца до правителя независимого королевства кому-то кажется невероятным, но так не думают те, кто заметил, как часто в истории кажущиеся безнадёжными обстоятельства приводят со временем к триумфу.

Осенью 1878 года социал-демократическое движение Германии было почти уничтожено "Законом против социалистов" от 19 октября, который стал исполняться с крайней

суровостью и привёл к ликвидации любых "обществ с социал-демократическими, социалистическими или коммунистическими тенденциями". "В то время как их враги ободрились, многие социал-демократы упали духом... Движение почти полностью распалось". Но в течение года некоторые из более твёрдых и настойчивых социал-демократов смогли наладить печать в Швейцарии и придумать способы её контрабандной доставки в Германию. В это время другие участники движения разработали законные и незаконные лазейки, которые позволили им обойти "Закон против социалистов" и построить новую партийную организацию - так что к осени 1884 г. немецкая социал-демократия стала сильнее, чем когда-либо - хотя это всё ещё было незаконно.

По словам Мао, «в 1931 г. ... некоторые товарищи стали гордыми и самонадеянными. Это привело к серьёзной политической ошибке, которая стоила нам около 90 процентов революционных сил, которые мы копили с таким большим трудом ". В примечании редактора говорится:

"Ошибочная «левая» линия доминировала в партии очень долго (четыре года) и принесла чрезвычайно тяжелые потери, с катастрофическими последствиями для партии и революции. 90 процентов потерь относятся к Коммунистической партии Китая, Китайской Красной Армии, к её опорным районам..."

Но коммунисты продолжали упорно бороться, восстановились от поражений и, как мы знаем, к 1949 г. сделали себя хозяевами Китая.

В Южной Африке в начале 1970-х годов АНК (Африканский Национальный Конгресс) казался полностью побежденным и почти не существующим. Но остатки организации продолжали борьбу, в результате чего АНК в конце концов восстановил свою мощь и сделал себя доминирующей политической силой в ЮАР. Сегодня (2013) АНК является правящей партией в стране.

Большевикам неоднократно приходилось восстанавливаться после тяжёлых поражений. Когда российские социал-демократы (в состав которых тогда входили большевики) "помогли началу антиправительственных демонстраций" в 1905 г., их восстание потерпело неудачу, а многие члены партии "были арестованы, заключены в тюрьмы или отправлены в ссылку". Тому, кто жил в те дни, казалось, что "революция умирает... Тьма и отчаяние охватили интеллигенцию". "Но Ленин не отчаялся в успехе... Для него существовали лишь уроки, которые должны быть выучены, новые планы, которые должны быть разработаны и альтернативные методы революции, которые должны быть продуманы".

В следующий раз, в 1914 году, когда началась Первая Мировая война, «революционное движение замерло... Революционные идеи едва теплились в небольших притихших кружках. На фабриках в те дни никто не отважился бы назвать себя «большевиком», не только из страха ареста, но и боясь быть избитым ретроградными рабочими". Как мы уже говорили (секция 10), централизованная организация большевиков была в это время уничтожена в результате ареста их делегатов в Думе. Тем не менее, большевики стояли на своём и, после февральского восстания 1917 г. и реализации ленинских «апрельских тезисов», они превратили себя в важнейшую силу российского революционного процесса.

Однако, по итогам «июльских дней» (неудачного восстания в июле 1917 г.) большевики снова потерпели серьёзную неудачу, которая стала бы фатальной для менее непреклонной группы.

"После июльских дней" - пишет В. Яковлева, в то время член центрального комитета - "все сообщения с мест в один голос говорили не только о резком падении настроения масс, но даже об определённой враждебности к нашей партии. Много раз наши ораторы бывали избиты. Кадры быстро таяли и несколько организаций... даже полностью прекратили своё существование". Отток кадров из партии в некоторых случаях достиг такого масштаба, что только после новой регистрации членов организации смогли возобновить самостоятельную жизнь.

Как мы подчёркивали, любое крупное поражение опасно. Но если у революционной организации есть твердый костяк, состоящий из абсолютно преданных и непреклонных членов, в некоторых случаях она может даже усилиться в результате поражения, поскольку её более слабые члены будут отсеяны; если они и не покинут организацию, то, по крайней мере, проявят себя колебаниями в периоды неудач и трудностей. Таким образом выделятся более стойкие члены организации, которые образуют консолидированное ядро. Троцкий отмечает в связи с Июльскими днями:

"Этот резкий поворот в настроении масс произвёл автоматический, и, кроме того, безошибочный отбор в кадрах партии. На тех [большевиков], которые не трепетали в те дни, можно было абсолютно положиться в дальнейшем. Они составили партийное ядро на предприятиях, фабриках, в рабочих кварталах. Накануне [захвата власти большевиками в октябре 1917 г.], при распределении задач организаторам часто приходилось окидывать взглядом окружающих, вспоминая тех, кто проявил себя в Июльские дни".

Таким образом, большевики извлекли выгоду из своего июльского поражения, которой они воспользовались, когда пришло время взять контроль над Россией. Но всего через несколько месяцев после захвата власти они снова стояли на пороге тотального поражения из-за вторжения "белых" контрреволюционеров и их западных союзников:

"Большевики были близки к падению. Это казалось делом нескольких дней. Их окружала гибель. От Тихого океана, по всей Сибири и Уралу, их власть рухнула. Благодаря немцам отпала Украина, где против большевиков формировалась Добровольческая армия, а англичане высадились на Севере. И был голод."

В этих условиях только несокрушимая воля большевистского партийного ядра позволила им выжить. И партия выжила и удерживала Россию в своей железной хватке более шестидесяти лет после этих событий.

Способность справляться с тяжёлыми поражениями является, кажется, характерной чертой успешных революционных лидеров. Эта черта проявлялась особенно ясно в случае Фиделя Кастро. Мэтьюз подчёркивает «неисправимый оптимизм и боевой дух Фиделя»:

«Самая важная черта характера Фиделя» - как его брат Рауль говорил мне - "он никогда не примет поражения". Каждый этап его жизни, от детства до настоящего времени, доказывает это... Фидель никогда не сдавался; он никогда не падал духом; он кажется невосприимчивым к унынию и тревоге.

Фидель Кастро, подобно Ленину, обладал даром вдохновлять всех окружающих верой в себя и в то, что он делает... Яснее всего это проявлялось в худшие и, очевидно, самые безнадежные периоды".

23. Может показаться, что на этих страницах мы героизируем таких людей, как Роберт Брюс, Ленин, Мао, Кастро, ирландские националисты и т. д. Конечно, их деяния имели героический размах. Но это не значит, что мы должны восхищаться ими как людьми, и тем более мы не обязаны уважать их цели или идеалы. Лидеры большевиков / коммунистов были убеждёнными технофилами, и, следовательно, врагами тех из нас, кто считает, что современные технологии толкают мир к катастрофе. Роберт Брюс, возможно (а может и нет), руководствовался какими-то патриотическими мотивами, однако, по всей вероятности, его настоящим мотивом были личные амбиции. Он хотел стать королём Шотландии - и преследуя эту мечту он совершал ужасные жестокости не только по отношению к англичанам, но даже к некоторым из своих братьев-шотландцев. В двадцатом веке, как мы говорили в третьей главе, не было никаких причин, по которым Ирландии было необходимо отделяться от Британии. Ирландские националисты спровоцировали войну за независимость исключительно для того, чтобы удовлетворить свои собственные психологические потребности. Эта война принесла страдания и смерть многим их соотечественникам, и ирландцы сегодня находятся не в лучшем положении, чем они могли бы быть, оставаясь частью Соединенного Королевства.

Здесь мы обратили внимание на некоторых революционеров прошлого только потому, что можем извлечь уроки из их опыта и из их методов. Если мы цитировали коммунистических лидеров чаще, чем других, то делали это не из-за симпатии к коммунизму, но только потому, что коммунисты, по большому счету, были самыми эффективными и успешными революционерами XX века.

24. Профессиональные пропагандисты знают, что люди обычно принимают только те новые идеи, к которым они заранее предрасположены. Революционное движение должно выявить те части населения, которые, вероятнее всего, окажутся восприимчивы к революционным идеям. Именно этим людям стоит уделять особое внимание в процессе пропаганды и набора новобранцев.

В то же время антитехнологические идеи должны быть доведены до сведения не только предрасположенных к ним групп, но и до населения в целом. Правило о том, что только заранее лояльные люди примут новые идеи может не работать «во времена революционного кризиса, когда все старые убеждения потерпели крах».

Значит, как мы отметили в секции 8, когда разразится серьёзный кризис системы, у революционного движения появится возможность интегрировать и повести за собой широкие массы. Однако это будет проще сделать, если у людей уже будет хотя бы поверхностное представление об антитехнологических идеях. Больше того — даже задолго до наступления революционного кризиса и в тех социальных средах, где революционеры не могут рассчитывать на активную поддержку, их пропаганда может произвести беспокойство и посеять разочарование в системе. Это ускорит наступление кризиса (см. секцию 1 и мысли Алинского в секции 8).

25. Революционное движение должно чётко очертить границы, отличающие его от других радикальных групп, придерживающихся отчасти сходной идеологии. Это очень важно в свете потребности в единстве, которую мы упомянули в секции 17: социальное или политическое движение не может добиться единства, если многие его участники делят свою лояльность между разными движениями. Более того, у движения должны быть ясные и безошибочные

маркеры для идентификации; это нужно не только для внутренней сплочённости самого движения, но и для того, чтобы окружающие могли легко распознать и оценить его (см. секцию 1, пункт 2, а также секцию 16). Вдобавок движение должно держаться полностью независимо от всех остальных групп. Зависимость или чрезмерная близость с другой группой помешает революционной организации преследовать собственные интересы, если они войдут в противоречие с интересами её партнёров.

Первое движение, с которым антитехнологическая организация должна чётко размежеваться, это радикальные защитники окружающей среды. Второе — анархо-примитивисты. Даже самые радикальные защитники окружающей среды не рассматривают идею ликвидации технологической системы в целом. Антитехнологическая организация не может позволить себе иметь в своих рядах членов, которые не уверены, что хотят уничтожить современную технологию. Она также не может позволить себе связь с движением, которое занимает двойственную позицию в отношении технологии. Анархо-примитивисты хотят уничтожить современную технологию, но для них, как минимум, столь же важны и другие вопросы: гендерное равенство, права ЛГБТ, освобождение животных и т. п. - полный набор левачьих тем. В другом месте мы объяснили, почему антитехнологическое движение должно чётко отделить себя от левачества.

26. В своих взаимоотношениях с радикальными группами-соперницами революционная организация не должна ввязываться в бесконечные пуристские дискуссии об идеологии. Подобные дискуссии превалируют, например, в анархистских кругах. Кажется, некоторые анархисты тратят большую часть своего времени и энергии на теоретические перебранки с другими анархистами. И при этом они прилагают очень мало усилий, чтобы добиться социальных изменений, которые они отстаивают. Ни одна сторона в этих спорах никогда не переубеждает другую, и они не интересны никому, кроме их участников.

Едва ли вам удастся переубедить своих оппонентов в идеологическом споре. По этой причине в любой такой дискуссии следует подбирать аргументы не с тем, чтобы переубедить визави, а так, чтобы они повлияли на неопределившихся зрителей, которые могут их услышать или прочесть. По этой причине вы должны сознательно формулировать свою позицию максимально ясно и убедительно, а также интересно для тех, кто наблюдает за дискуссией. Затем сделайте всё возможное, чтобы ваши аргументы услышало или прочло как можно больше людей. Обращайтесь только к ключевым пунктам дискуссии и не обращайтесь внимания на менее значимые — наблюдателей будет интересовать только главное. Преппирательства по мутным техническим вопросам хуже, чем потеря времени. Если наблюдающие за дискуссией вовсе уделят этому какое-либо внимание, то, вероятно, посмотрят на такой спор с отвращением и сравнят вас со средневековыми богословами, спорившими о том, сколько ангелов может танцевать на кончике иглы. Те же принципы применимы для дискуссий с защитниками системы, а также с теми, кто не оправдывает систему в её нынешнем виде, но считает, что она может быть реформирована.

Когда человек сталкивается с аргументами, направленными против его идей или идей его группы, у него возникает большой соблазн ответить на них. И чем бредовее аргументы противоположной стороны, тем сильнее соблазн. Но перед тем, как сдаться этому соблазну, революционер должен задать себе вопрос, какие выгоды (если хоть какие-нибудь) извлечёт революционная организация из дискуссии. Может быть, есть иные способы использовать своё время с большей пользой для революционных задач, чем ответы на агрессивные аргументы оппонентов.

Путь к тому, чтобы опередить соперничающие с вами радикальные группы, это не спор с ними, а обходной маневр. Сосредоточьтесь на наборе в *свою* организацию всех подходящих людей, склонных к отрицанию современных технологий, но не выбравших между разными группами. Покажите, что ваша организация активнее и эффективнее других радикальных групп. Это переведёт на ваши позиции больше людей, чем любые споры.

27. «Благороднейшее из революционных свойств — преданность — неизбежно сталкивается со своей противоположностью — предательством». Участники любой радикальной организации должны постоянно держать в голове вероятность того, что в их группе есть информаторы, которые донесут о её действиях в «правоохранительные» или разведывательные службы. Также должно помнить, что даже люди, сейчас сохраняющие преданность, могут однажды предать.

С 1967 по 1970 годы ФБР проводило программу, известную как COINTELPRO («контрразведывательная программа»), которая включала в себя, помимо прочего, систематическое внедрение информаторов в группы, которые Бюро считало опасными. COINTELPRO давно была свёрнута, но нет нужды говорить, что сегодня ФБР по-прежнему использует те же методы. В 2006 году участники группы эко-саботажа были арестованы при помощи информатора ФБР, внедрившегося в круги радикальных защитников окружающей среды. Примерно в то же самое время в ходе операции, связанной с предыдущей, ФБР арестовало группу, ответственную за впечатляющий акт эко-саботажа в Вейле (штат Колорадо) в 1998 году. Один из членов группы стал предателем и помог ФБР собрать улики, некоторые другие участники группы впоследствии дали показания против своих соратников, чтобы получить сроки поменьше.

В Южной Африке полиция использовала шпионов и информаторов против борцов с апартеидом, что оказывало на их движение уничтожающее воздействие. Также некоторые активисты на допросах предоставляли полиции информацию, которая помогала арестовать их товарищей. В Ирландии информаторы регулярно внедрялись в состав революционных групп (однако в 1919 году под руководством Майкла Коллинза революционеры совершили перелом и создали систему разведки, намного превосходящую государственную). Партизаны Фиделя Кастро сочли необходимым казнить множество предателей, которых они обнаружили в своих рядах. Некоторые захваченные в плен бойцы отряда Че Гевары в Боливии дали властям информацию о тех, кто ещё оставался на свободе. В период, когда социал-демократы в Германии находились вне закона (1878-1890 годы), они создали «систему разведки» с целью «собрать и проанализировать сырую информацию, чтобы выявить информаторов и агентов-provokаторов», однако это не смогло полностью обезопасить их от полицейских засланцев. Даже один из делегатов на тайном конгрессе социал-демократов в замке Виден в Швейцарии (август 1880 года) «получал зарплату от начальника полиции Берлина». В России Боевую организацию Партии социалистов-революционеров некоторое время возглавлял полицейский агент. Согласно Троцкому, как мы писали выше в секции 10, в 1914 году трое из семи членов петербургского комитета партии большевиков были агентами полиции. Видный большевик Роман Малиновский, который был спикером партии в Думе и сыграл важную роль в создании газеты «Правда», позже был разоблачён как provokатор Охранного отделения. Даже после того, как стало очевидно, что Малиновский шпион, Ленин отказывался в это верить.

Эта модель устойчива, и её урок ясен. Радикальная группа никогда не может быть уверена в том, что её планы неизвестны правительству. Значит для легальной революционной организации добрым советом будет оставаться в легальном поле. Попытки заигрывать с противозаконной деятельностью крайне опасны.

28. Важно изучать историю и методы предшествующих социальных и политических движений и техники, разработанные их успешными лидерами. Серьёзная ошибка сходу отметать методы и теории революционеров или активистов прошлого только потому, что их цели не соответствуют целям антитехнологического движения или потому, что они были леваками или реформистами. Действительно, многие из их подходов должны быть отброшены, так как они не применимы к деятельности современной антитехнологической организации, а остальные серьёзно доработаны и адаптированы. Ни история, ни принципы работы, установленные лидерами прошлого, не дадут нам формулы или рецепта успеха, которые можно было бы представить в форме «поваренной книги». Но их опыт даёт *идеи*, некоторые из которых позволят разработать методы, пригодные для антитехнологической борьбы. Также мы можем получить информацию об опасностях и подводных камнях, которые надо избегать.

Мао подчёркивал, что важно не только постигать опыт прошлого, описанный в истории, но и осознавать, что теории, выведенные в прошлом, зачастую были неполными и нуждаются в доработке на основе дальнейшей практики. Точно также принципы деятельности, оказавшиеся действенными в каком-либо контексте, могут оказаться неприменимыми в конкретной ситуации, возникшей в ходе развития конкретной революции. Следовательно, из всего багажа прошлого революционеры должны отобрать то, что полезно для выполнения их задач. Отделить это от бесполезного и модифицировать так, чтобы полезный опыт оказался применим к их собственным целям.

Это нелёгкая работа, изучать историю и методологию движений прошлого и отделять полезное от бесполезного. Но если вы не сможете учиться у прошлого, то вы обрекаете себя на то, чтобы учиться всему с нуля, методом проб и ошибок. Это медленный, прерывистый и трудный процесс. Изрядной порции проб и ошибок итак не избежать. Однако количество необходимых попыток и совершённых ошибок будет серьёзно сокращено, если вы приложите необходимые усилия для скрупулёзного изучения движений прошлого. Отказ от этой работы серьёзно уменьшит ваши шансы на успех.

У автора этих строк была возможность изучить лишь несколько работ по истории, политологии, социологии и революционной теории, которые могут быть полезны для антитехнологического проекта. Заслуживают внимательного изучения работы Алинского, Селзника, Смельсера и Троцкого. Однако существует гигантский массив другой литературы, заслуживающей прочтения. Это, в первую очередь, работы по научной дисциплине, известной как «организационное поведение», а также работы Ленина, связанные со стратегией и тактикой революции (его идеологическая пурга представляет скорее исторический интерес). Тщательный поиск по библиотекам обнаружит нескончаемое множество подходящих работ. Стоит повторить, что литература не предоставит руководства к действию, которое можно будет просто механически применить. Она предоставит *идеи*, некоторые из которых с определёнными доработками можно использовать для нужд антитехнологической организации.

29. Приведём конкретный пример к сказанному выше. Селзник описывает, как коммунисты, действующие за пределами стран социалистического блока, внедрялись в некоммунистические организации, прокладывая себе в них путь на ключевые посты и использовали своё положение, чтобы влиять на деятельность этих организаций. В некоторых случаях организации переходили под контроль коммунистов полностью и превращались в придаток коммунистической партии. Коммунисты не считали нужным засылать много своих агентов в организации, в которых они хотели иметь влияние или контроль. Сравнительно небольшое число индивидов, размещённых со стратегическим расчётом, и хорошо организованные, могут добиться огромной власти.

Очевидно, что для современного антитехнологического движения не стоит вопрос о буквальном воспроизведении этой тактики коммунистов. Однако тщательное изучение книги наподобие той, что написал Селзник, может навести, например, на такие мысли:

Антитехнологическая организация будет иметь некоторую степень близости с радикальными защитниками окружающей среды. Многие люди ассоциируют «радикальную защиту окружающей среды» исключительно с нелегальными группами, такими как Фронт освобождения Земли (ELF). Мы же используем этот термин в более широком значении: радикальные защитники окружающей среды — это индивиды или группы, стоящие на экологических позициях, которые слишком радикальны для того, чтобы у них был шанс войти в мейнстрим современного общества. Например, Билл МакКиббен, автор книги «Довольно: оставаться человеком в спроектированную эпоху», в нашем понимании относится к радикальным защитникам окружающей среды, несмотря на то, что, насколько нам известно, он действует сугубо легально. Мы уже подчёркивали, что революционная организация, занимающаяся открытой политической деятельностью, должна сохранять полную легальность (секция 27). Следовательно члены этой организации должны избегать участия в каких-либо нелегальных действиях радикальных экологов. Однако это не должно помешать антитехнологическим революционерам участвовать в легальной деятельности групп радикальных экологов и добиваться в них влиятельных позиций. Эти власть и влияние могли бы быть использованы на благо антитехнологической организации множеством способов. Например:

(I) Антитехнологическая организация может найти среди членов групп радикальных защитников окружающей среды людей, подходящих для рекрутирования в свой проект.

(II) Если член антитехнологической организации войдёт в редакцию периодического издания радикальных экологов (например, *Earth First! Journal*), он сможет влиять на его содержание. Если же антитехнологисты составят в редакции большинство, то они смогут фактически захватить издание, свести к минимуму левацкую составляющую его содержания и систематически использовать его для пропаганды антитехнологических идей.

(III) Если антитехнологическая организация решает предпринять действия по теме защиты окружающей среды, как предложено в секции 17, и при этом она обладает властью и влиянием в кругах радикальных защитников окружающей среды, - она должна обеспечить поддержку и участие этих людей в предполагаемом действии.

(IV) В некоторых случаях антитехнологические революционеры могут взять под своё влияние группу радикальных экологов целиком и превратить её в антитехнологическую группу. В этих обстоятельствах можно ожидать, что леваки отдалятся от группы, а на их место будут привлечены новобранцы, предрасположенные к антитехнологическим идеям.

(V) Работа в группах радикальных защитников окружающей среды даст антитехнологическим революционерам ценные знания и опыт в лидерстве и организационной работе.

(VI) Когда разразится серьёзный кризис системы, власть и влияние, которые антитехнологические революционеры аккумулируют в кругах радикальных защитников окружающей среды, будут полезны для того, чтобы организовать массовую базу движения.

Ничто из сказанного не противоречит принципу чёткого отграничения антитехнологического движения от прочих радикальных движений. Убеждение Ленина в необходимости «как следует размежеваться» не мешало ему сотрудничать (когда он считал это полезным) с лидерами или группами, чьи программы противоречили его собственной. Разумеется, члены антитехнологической организации, которым предложили взять на себя работу в группах радикальных защитников окружающей среды, должны будут ясно осознавать отличия и их важность. Им нужно будет понять, что задача их работы с радикальными экологами состоит исключительно в том, чтобы продвигать интересы антитехнологического движения, а не в том, чтобы работать на какие-либо цели зелёных, которые расходятся с антитехнологизмом.

Как антитехнологические революционеры могут занять позиции руководства и влияния в группах радикальных защитников окружающей среды? Главным образом с помощью «морального авторитета упорного труда. В каждой организации, которую они пытаются захватить, коммунисты — всегда готовые добровольцы, наиболее упорные работники комитетов, самые бдительные и активные участники. Во многих группах этого достаточно, чтобы овладеть лидерством, во всяком случае — этого почти всегда достаточно, чтобы претендовать на лидерство» (Селзник).

«Коммунисты, проникающие в организацию... становятся «лучшими работниками» для любых задач, которые организация стремится выполнить» (он же).

Этот подход можно дополнить техникой, которую с большим успехом использовал Нельсон Мандела, чтобы получить и сохранить лидерство в движении против апартеида в Южной Африке. Он чётко контролировал свои эмоции, очень редко позволял себе показывать гнев, всегда сохранял спокойствие, хладнокровие и сдержанность. Эта манера поведения заслуживает уважения и побуждает других воспринимать такого человека как лидера. У жителей Андаманских островов потенциальный вождь был «молодым человеком, владевшим качествами, которые заставляли даже младших жителей поселения искать его дружбы. Обычно он был хорошим охотником, щедрым и, прежде всего, сдержанным».

Революционеру, работающему в группе радикальных защитников природы, не нужно скрывать свои антитехнологические убеждения. Однако по понятным причинам он не должен продвигать свои идеи агрессивно или выказывать неуважение к взглядам радикальных экологов. Если он участвует в полемике в пользу антитехнологической позиции, он должен делать это в приятной манере, и если идеологическая дискуссия приобретает враждебный тон, ему стоит уйти от неё.

На сегодняшний день автор этих строк не считает, что антитехнологическая организация должна использовать указанные методы, чтобы стяжать власть и влияние в движении радикальных экологов. Лидеры организации примут это решение сами, когда придёт время. Принимая решение, они учтут ресурсы и возможности, которыми обладает их организация,

равно как и прочие значимые факторы. Смысл этой секции в том, что изложенные в ней идеи заслуживают, по крайней мере, серьёзного рассмотрения. При этом они никогда бы не пришли автору в голову, если бы он не изучил книгу Селзника. Этот пример показывает, как история и техники движений прошлого могут стать важным источником идей для современного антитехнологического движения.

30. В революционной организации должно быть подразделение или комитет, ответственные за изучение технологии и её последних достижений. Это нужно делать не только для того, чтобы атаковать технологию политически. Организация должна быть в состоянии применить новые технологии для своих целей.

Хорошо известно, что в Соединённых Штатах (и вероятно, в большинстве других стран) полицейские органы и спецслужбы давно используют прослушивание (нередко нелегальное), чтобы быть в курсе деятельности и планов политически подозрительных групп. Однако ныне старомодная прослушка телефонов утратила свою актуальность. Стали доступны куда более продвинутые технологии перехвата информации наряду с вездесущими шпионскими инструментами вроде камер видеонаблюдения, технологии распознавания лиц, дронов размером с птицу колибри (а возможно, и с насекомое), а также машин, «считывающих мысли».

В Соединённых Штатах перехват данных или шпионаж со стороны правительственного агентства, если они не были санкционированы судом, являются нарушением Четвёртой Поправки о необоснованных розыскных мероприятиях. Как минимум, в некоторых случаях это незаконно. Однако в ходе масштабного поиска, предпринятого автором, ему так и не удалось отыскать хотя бы один прецедент, когда агенты государства были бы подвергнуты уголовному преследованию за несанкционированный шпионаж. Хотя административное преследование иногда возможно, мы можем утверждать, что на практике почти единственная законная защита от незаконного шпионажа правительства состоит в том, что данные, добытые с нарушением Четвёртой Поправки, не могут использоваться для уголовного преследования жертвы этого шпионажа. Однако у государства не будет шанса для уголовного преследования членов революционной организации, которая строго блюдёт легальность своей деятельности.

Мы видим, что у правительственных агентств нет причин воздерживаться от шпионажа за революционной организацией в нарушение Четвёртой Поправки. Неконституционно и нелегально собранные данные о планах и деятельности организации могут дать властям решающее преимущество и дать им возможность саботировать работу революционеров разными легальными и нелегальными способами. Это уже случалось, например, в рамках программы COINTELPRO, которую мы упоминали в секции 27. Значит революционеры должны быть хорошо информированы о шпионских технологиях и способах перехвата информации, а также иметь необходимые технические навыки, чтобы защитить себя от их незаконного использования.

С течением времени становится всё менее вероятным, что революции в технически развитых странах могут быть доведены до конца традиционными методами, например, посредством толп людей, вышедших на улицы. Внимательное изучение показало, что для успеха традиционной революции необходима поддержка части военных или, по крайней мере, их нейтралитет. Например, вероятно, что в ходе нынешней (2011) революции в Египте в рамках «Арабской Весны» высшее армейское командование поддалось требованиям протестующих

только потому, что они боялись, что, если войскам будет отдан приказ расстрелять толпу из пулемётов, многие солдаты откажутся его выполнять или даже перейдут к революционерам.

Однако техники контроля за толпой становятся как никогда изощрёнными. Теперь можно рассеять людей или лишить их способности сопротивляться с помощью звуковых и световых пушек. Солдат, который отказался бы стрелять в толпу своих сограждан, возможно, не чувствовал бы никаких препятствий перед тем, чтобы выгнать их прочь с улиц невыносимым объёмом звука. После бунта полиция сможет вычислить его участников с помощью записей камер наблюдения, технологии распознавания лиц и записей телефонных разговоров.

Ещё более значимо явление замены людей машинами в военной сфере. Сейчас люди-солдаты и полицейские всё ещё необходимы. Однако с учётом скорости технологического развития весьма возможно, что через пару десятилетий военные и полицейские силы будут состоять преимущественно из роботов. И у роботов не будет барьеров по поводу стрельбы в протестующих.

Разумеется, технологии могут быть использованы и повстанцами против установленных структур власти. Таким образом, революции будущего, вероятно, будут проходить не так, как революции прошлого и настоящего. В отличие от них, результат будет зависеть главным образом от манипуляций технологиями, как со стороны властей, так и со стороны революционеров. Значит важность технической компетентности для революционеров очевидна.

*Перевод на русский язык - «Боец Анархист»
bo-ak.org*